

равности их; между тѣмъ у Шлецера рядомъ фигурируютъ и Никоновскій, и Лаврентьевскій и саранскій списки.

Но, не смотря на не вполне удовлетворительно выполненную задачу, все таки эта книга долже-на остаться монументальнымъ памятникомъ въ разработкѣ русской мѣтодики и русской исторіи. Неудивительно поэтому, что прежде она имѣла такое громадное вліяніе; она зародила критицизмъ и скептицизмъ и въ послѣдующее поколѣніе русскихъ историковъ. Интересно при этомъ, что Шлецера своимъ стилемъ и редакционными признаками признаютъ не только настоящіе скептики - Каменовскій и др., но вѣдѣтели съ тѣмъ и ихъ противники. Погодинъ, напр., писалъ свои сочиненія предъ портретомъ Шлецера, а онъ бывъ между тѣмъ яркимъ противникомъ скептиковъ, называвъ ихъ воеводами, наветчиками". Сдѣлавъ будетъ справедливо до такой степени уменьшать заслуги Шлецера, какъ это дѣлаетъ Кошловъ въ своей „исторіи русскаго самосознанія“, говоря, что Шлецеръ лучше не сдѣлалъ, если бы совѣтъ не писалъ. Нестора, потому что онъ этимъ принесъ больше вреда, чѣмъ пользы.

§ 8. Н. М. Карамзинъ.

Библиографія:

Каменовскій. Критическія статьи объ „исторіи Карамзина“ Вѣстникъ Европы 1819.

Соловьевъ. Мѣсть статей Карамзина (Отечественныя Записки 1853 - 1856).

Старчевскій. Жизнь Карамзина (Спб. 1849).

Тышинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I (СПб. 1885).

Вeselovskij. Западное вліяніе въ русской литературѣ (С. 1882).

Біографія Н. М. Карамзина можетъ быть раздѣлена на 2 періода: первый періодъ — до времени составленія „исторіи государства Россійскаго“; второй же начинается съ того момента, когда онъ сдѣлался исторіографомъ и началъ работать надъ „исторіей госуд. Рос.“ Слѣдя Карамзину (по видимому татарскаго происхожденія), происшедша изъ Оренбургской губ., но воспитывавша Карамзина въ гор. Сибирскъ. После этого Николай Михайловичъ отдалъ въ Москву въ пансіонъ иностранца профр. Шадена. Шаденъ былъ профессоромъ при Московскомъ университетѣ и, видя полное отсутствіе подготовительныхъ школъ, сдѣлавъ попытку открыть такую школу, или гимназію; въ числѣ учениковъ его пансіона были и Карамзинъ. Этотъ пансіонъ Шадена далъ Карамзину между прочимъ знакомство съ новыми европейскими языками; здѣсь онъ изучилъ въ совершенствѣ французскій и нѣмецкій языки. Шаденъ нередко бралъ его съ собою къ своимъ знакомымъ иностранцамъ для практическаго усовершенствованія въ этихъ языкахъ. По совету профр. Шадена Н. М. Карамзинъ сталъ посещать и университетскія лекціи; эти посѣднія познакомили его съ тѣми историко-филологическими науками, къ которымъ онъ чувствовалъ особый интересъ.

Затѣмъ, по обычаю того времени, онъ поступилъ въ Гвардейскій полкъ и вѣсть разстѣланную свѣтскую жизнь. Прогдѣ нѣскольکو времени Карамзинъ вступилъ въ извѣстную кружокъ Новикова - въ тотъ самый кружокъ, который образовался по мысли этого знаменитаго русскаго общественнаго дѣятеля Екатерининскаго времени и который поставилъ свою цѣль въ просвѣщеніе тогдашняго русскаго общества. Карамзинъ состоялъ членомъ дружественнаго, типографическаго общества и Новиковъ обратилъ вниманіе на этого молодого членовъ съ одной стороны благодаря его литературнымъ вкусамъ и стремленіямъ, съ другой - въ силу его знакомства съ новыми явленіями. Въ это время Карамзинъ подвергся благотворному вліянію одного изъ членовъ Новиковскаго общества - Петрова. Петровъ мало бѣлъ извѣстенъ, какъ самостоятельный литераторъ, но за то онъ сдѣлалъ массу переводовъ на русскій языкъ. И вотъ Карамзинъ вступилъ съ нимъ стать издавать "Литтское чтеніе". Статьи для этого дѣтскаго чтенія онъ переводилъ изъ иностранныхъ журналовъ. Вслѣдъ затѣмъ Карамзинъ отправился въ путешествіе за границу, именно въ 1789 году съ цѣлью, "собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогащеніе свое воображеніе новыми картинами." По ходившимъ тогда слухамъ Карамзинъ являлся какъ бы комиссаромъ Новиковскаго товарищества; существовало даже мнѣніе, будто-бы Новиковъ далъ ему средства для этого путешествія; но это

подвержено сомнѣнію. Несомнѣнно только то, что Карамзинъ, отправляясь въ путешествіе, получилъ писменную инструкцію отъ Гашада. Его уѣздъ состояла въ томъ, чтобы объѣхать и посѣтить знаменитые мѣста и люди; и онъ отправился въ Кельнъ и посѣтилъ там Канта; онъ пришелъ къ нему и прямо оренкомендовался, что онъ русскій дворянинъ и рад-сказывать о уѣздѣ своего путешествія. Кантъ вообще обошелся съ нимъ очень любезно. Затѣмъ онъ посѣтилъ Берлинъ, Лейпцигъ, Веймаръ, ко-торый славился тогда тремя знаменитостя-ми: Гердеромъ, Виландомъ и Гётте; съ двумя пер-выми онъ познакомился и, между прочимъ, Гердеръ принималъ его очень любезно; Виландъ, на-противъ, очень холодно и суро. Когда Карамзинъ явился къ нему и сказалъ, что предпринималъ пу-тешествіе, чтобы съ нимъ познакомиться, то Ви-ландъ отвѣтилъ, что не стоило ему предприни-мать такой трудъ изъ за этого. Оказалось, что Виландъ больше всего боялся того, чтобы Карамзинъ не отнесся его. Затѣмъ, побывавъ въ Швейцаріи и познакомившись тамъ съ Ла-фатеромъ, онъ отправился въ Парижъ и имѣлъ возможность говорить съ Лавелекомъ, который написалъ "Русскую исторію". Карамзинъ при этомъ высказалъ свой взглядъ на Русскую исто-рію. Интересно то, что это воззрѣніе нахоδι-лось въ противорѣчіи съ взглядомъ, проведен-нымъ въ послѣдствіи въ "Исторіи Государства Россійскаго". Вотъ что самъ Карамзинъ го-воритъ о русской исторіи Лавелека: "Русская исторія" Лавелека хотѣла имѣть много недо-

статковъ, однакоже лучше всѣхъ другихъ. Боле-
 но, но должно по справедливости сказать, что
 у насъ до сего времени нѣтъ хорошей русской
 исторіи, т.е. писанной съ философскимъ умомъ,
 съ критикою, съ благороднымъ красноречіемъ.
 Татищевъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ - вотъ обра-
 зцы! Говорятъ, что наша исторія менѣе дру-
 гихъ занимательна: не думаю; русскіе только
 умъ, вкусъ, талантъ. Можно выгнать, оду-
 шевить, раскрасить; и читатель удивится,
 какъ изъ Нестора, Никона и проч. можно вый-
 ти что-нибудь привлекательное, сильное, достойное
 вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ;
 Редословный князей, ихъ ссоры, междоусобія,
 набѣги Половцевъ не очень любопытны, согла-
 шаются; но залывъ напечнать или чѣмъ же
 жѣ? Что не важно, то сократить, какъ съ-
 нать Юмъ въ Англійской исторіи, но всѣ гербы,
 которыхъ означаютъ свойства народа Русска-
 го, характеръ древнихъ нашихъ героевъ, отлич-
 ныхъ людей, собственно такъ называемые анек-
 доты, собирать, описать живо, радительно. У
 насъ были свой Карлъ Великій - Владимиръ еще
 такой государь, которому нигдѣ не было подоб-
 ныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія
 составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исто-
 ріи и даже въ исторіи чelовѣчества; его то
 надобно представить въ живомъ, а прочее
 можно описывать, но такъ, какъ дѣлали свои
 рисунки Рафаэль или Микеланджело. Левекъ,
 какъ писатель не безъ дарованія, не безъ до-
 стоинствъ, соображаетъ довольно хорошо, рас-
 сказываетъ довольно складно, судитъ доволь-

но справедливо; но кисть его слаба, краски не
живы; слогу правивный, логический, но не быстрый.
Къ тому же Россія не мать ему, не наша кровь
течетъ въ его жилах; затѣмъ дайте: „Я слышалъ,
прибавляетъ Карамзинъ, такое мнѣніе, да же
отъ русскихъ и никогда не могъ слышать изъ до-
свѣдѣній: путь образованія или просвѣщенія одинъ
для народовъ; все они идутъ или вѣдуть другъ
за другомъ.“ — „Все національное нилѣмъ предъ че-
ловѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не
славянами. Это хорошо для людей, то не мо-
жетъ быть дурно для русскихъ.“ Наконецъ, послѣ
всего онъ пріѣхавъ въ Англію, которой на пер-
выхъ порахъ остался очень доволенъ, но потомъ
разочаровался.

Значеніе заграничнаго путешествія для
Карамзина весьма велико; чрезъ него онъ сѣлъ
выше многихъ другихъ литераторовъ; онъ много
познакомился съ западно-европейскою культурою,
съ западно-европейскими учрежденіями, съ
западно-европейскою литературою и ея
представителями и они содѣлались для него
очень близки и памяты. Неудивительно поэто-
му, что путешествіе это подготовило жур-
нальную дѣятельность Карамзина. Явив-
шись въ Россію, онъ издаетъ „Московский жур-
налъ“; журналъ этотъ представляетъ дѣятель-
тельное явленіе своего времени: здѣсь помѣ-
щались оригинальные произведенія, переводы
изъ иностранной литературы и, наконецъ,
театральный обзоръ, гдѣ можно проследить
судьбу разныхъ произведеній того времени.
Въ числѣ статей этого журнала главнѣйше-

сто занимаютъ „Письма русскаго путешественника“; значеніе ихъ для Россіи было громадно: они открыли русскому обществу новый миръ, миръ литературныхъ интересовъ западной Европы, прежде совершенно недоступный для русскаго общества. Карамзинъ, какъ бы вводя русское образованное общество въ этотъ миръ, его сочиненія были написаны такимъ языкомъ, что читатель съ полнымъ удовольствіемъ и восторгомъ. Карамзинъ сдѣлалъ новаторство въ русскій языкъ и далъ такіе образчики русскаго литературнаго языка, которыхъ не могли дать его предшественники. Затѣмъ, онъ издавалъ альманахъ „Аглая“ и „Пантеонъ иностранной словесности“, гдѣ помѣщались переводы съ иностранныхъ языковъ. Около этого же времени Карамзинъ начинаетъ специализироваться въ историческихъ сочиненіяхъ. Онъ понималъ, что его слово не коснулось одного литературнаго образа, это именно исторія. Весьма интересно то, что, приступая къ занятію русской исторіей, онъ прямо обратился къ современной эпохѣ къ времени Екатерины II. Первымъ его историческимъ сочиненіемъ было „похвальное слово Екатерины II“, которое можно назвать въ полномъ смыслѣ слова панегирикомъ. Приступая къ этой работѣ, Карамзинъ руководился двумя мотивами: съ одной стороны онъ желалъ создать ораторскій родъ произведеній, къ чему его побуждали рѣдкіе памятники ораторовъ, которыхъ ему пришлось слышать во Франціи; съ другой стороны онъ желалъ показать Александру I^{му} примѣръ,

достойный подражания. И действительно, императоръ Александръ въ своемъ манифестѣ далъ слово царствовать въ духъ Екатерины II^{ой}. Образъ Карамзинскаго стиха можетъ служить слѣдующее мѣсто: „Екатерина II въ силѣ тверческаго духа и въ действительной мудрости правленія была непосредственной преемницей Петра Великаго; раздѣляющее ихъ пространство исчезаетъ въ исторіи. И два ума, двухъ характера, столь между собой различные, сѣяли въ послѣдствіи своемъ удивительную гармонию для счастья народа Россійскаго. Чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, ученаго Петра, должна предъ 40 лѣтъ послѣ его царствовать Екатерина; чтобы, предуготовить славу кроткой, чловѣколюбивой, просвѣщенной Екатерины, долженствовалъ царствовать Петръ.“

При изложеніи этого труда онъ не обращалъ вниманія на акты, которые были въ его распоряженіи; онъ пользовался ими какъ панвою, на которой выводящъ свои узоры.

Вторымъ его историческимъ сочиненіемъ былъ „Пантеонъ Россійскихъ авторовъ“; здѣсь помѣщались біографіи разнаго рода историковъ и литераторовъ прежняго времени; такъ напримѣръ біографія Тредьяковскаго: „Если охота и примѣжаніе, могли замѣнить дарованіе, кого-бъ не превзошелъ Тредьяковский въ стихотвореніи и красноречіи? Тредьяковский учился во Франціи у славнаго Ромена, зналъ древніе и новыя языки, читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ и написалъ мно-

существо толовъ въ доказательство, что онъ не имѣлъ способности писать. Однакожь труды его были не совсемъ бесполезны. Онъ первый изъяснилъ на русскомъ языкѣ мѣру стиховъ и перевелъ древнюю исторію, которую по сіе время читаютъ наши провинціальные дворяне. Имя Тредьяковскаго будетъ извѣстно самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Сохранимъ же образъ его и погубимъ во немъ... трудолюбіе науки и несчастье природы." Наконецъ, Карамзинъ помѣстилъ цѣлый рядъ историческихъ статей въ Вѣстникъ Европы; такова статья о Московскомъ математикѣ въ царствованіе Алексея Михайловича, составленная по сказаніямъ иностранцевъ; такова его статья "Русская Старина", гдѣ сдѣлана характеристика состоянія Московскаго государства въ XVI и XVII в., и гдѣ авторъ приводитъ выписки изъ сказаній иностранцевъ: Сербенштейна, Олсarıя, Марксегрета и др. Онъ первый, такимъ образомъ, обратилъ серьезное вниманіе на извѣстія иностранцевъ, какъ на важный источникъ для исторіи Россіи. Такова статья о "тайной канцеляріи", гдѣ Карамзинъ опровергаетъ мнѣніе Левека и Шлецера, будто-бы тайная канцелярія учреждена Алексѣемъ Михайловичемъ и находитъ также ошибку у Маттичева, говоря, что действительно у Алексея Михайловича была тайная канцелярія, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ее Маттичевъ, и что слово "тайная" значило при Алексѣе Михайловичѣ домашняя или приватная канцелярія, въ видѣнн ко-

торой находились двѣла Экономическія.
 Изданіе „Вѣстника Европы“ было прекращено, ког-
 да Карамзинъ получилъ при посредствѣ Муравье-
 ва званіе русскаго исторіографа съ 2000 рублей
 званья. Это назначеніе даю возможность
 Карамзину приступить къ составленію „исторіи
 государства Россійскаго“. Теперь наступаетъ
 самый интересный періодъ жизни нашего ис-
 тографа. Научную подготовку къ этой рабо-
 тѣ самого Карамзина нельзя назвать блеся-
 щей; онъ былъ все-таки глупымъ образомъ, либе-
 раторъ и его требованія были неосновенно широ-
 ки. Онъ хотѣлъ дать такую исторію госу-
 дарства Россійскаго, какую можно было бы чи-
 тать русскому народу; онъ и не подозревалъ
 тогда тѣхъ трудностей, какія встрѣчались на
 своемъ пути.

Состояніе исторической науки у насъ тогда бы-
 ло печальное, какъ это видно изъ свѣдѣнствъ
 Погодина: „Библиотеки не имѣли каталоговъ;
 источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ
 ихъ, не приводилъ въ порядокъ. Лѣтописи не бы-
 ли изданы, объяснены, даже изданы уче-
 нымъ образомъ; грамоты лежали разсыпаны
 по монастырямъ и архивамъ; хронографовъ ни-
 кто не зналъ; ни одна часть исторіи не бы-
 ла обработана, ни исторія церкви, ни исто-
 рія права, ни исторія словесности, торгов-
 ли, быта. Для древней географіи не было
 сдѣлано никакихъ приготовленій; хронологія не-
 репутана; генеалогіей не занимались; нумиз-
 матическихъ собраній не существовало; архео-
 логіи не было и въ поминъ; ни одинъ городъ,

ни одно княжество не имѣло порядочной по-
рѣш. Сношенія съ соседними государствами по-
казавъ въ статейныхъ спискахъ, иностранныхъ
летѣписи, краше греческихъ не принимавшихъ въ
соображеніе. Древніе европейскіе путешествен-
ники въ Россіи едва были извѣстны по слуху;
съ сочиненіями иностранныхъ ученыхъ, въ которыхъ
разбѣяны разсужденія о древней Россіи, никто
не справлялся; ни одного вопроса изъ тыся-
чей не рѣшено окончательно, ни одно противо-
речіе не соглашено.

Что же сдѣлано было? Издано нѣсколько по-
тѣш, какому нибудь было пользоваться по от-
сутствію всякой отчетливости. Написано
нѣсколько исторій, удовлетворявшихъ потреб-
ностямъ своего времени, но онѣ не помогали,
а увеличивали работу, приводя ученаго въ сом-
нѣніе своими прихватами и дѣлавая оубо-
скавать ихъ источники.

Объяснено нѣсколько древнихъ памятниковъ,
но безъ необходимыхъ, строгихъ доказательствъ.
Уложено прочное основаніе разрѣшенію одно-
го вопроса — о происхожденіи Руси и Уле-
церь только что указавъ, какъ надо прики-
дываться за летописи, напечатавъ первую
часть своихъ толкованій на Нестора.

Россійская Библіотека, изданная Нови-
ковскимъ и ея продолженіе изданія Миллера:
Степенная книга, Царственная книга, Ро-
дословная, Кенігсбергскій Никольскій
списокъ Нестора съ пред., Новгородская
летопись, сочиненія Матвѣева, критическіе
замѣчанія Болтина, опыты Мусина Пущи-

на съ помощью Бюштина: о Русской правдѣ, опису-
тараканскомъ камнѣ, о Мономаховомъ поученіи, о
"словѣ о полку Игоревѣ". Вотъ главныя пособія Ка-
рамызина.

При такомъ состояніи русской историческо²й на-
уки, Карамзинъ усердно принялся за свою рабо-
ту. Въ это самое время онъ переехалъ на дочери
князя Вяземскаго, и поселился въ одной изъ его
деребезь, гдѣ у него былъ самый простой кабинетъ
съ обыкновеннымъ столомъ, твердой медью и
шкафами, переполненными разнаго рода доку-
ментами, актами, грамотами и проч. И вотъ
здесь онъ занимался самымъ систематическимъ
образомъ; только по утрамъ онъ позволялъ себѣ
прогулки, или катанье верхомъ на лошади; осталь-
ное время посвящая занятію. Прежде всего онъ
долженъ былъ заняться введеніемъ въ русскую
исторію, обозрѣть ее и ея источники до вре-
менъ Рюрика. Это для него была самая тем-
ная область, въ которой раздобыться ему было
очень трудно; но нужно все-таки поставивъ въ
защиту Карамзину то, что онъ познакопился
и съ этой эпохой по пособиямъ, сдѣлавъ извле-
ченія изъ источниковъ, начиная отъ Геродота
до Марцелина и доведъ свое введеніе до Рю-
рика. Всюгда затѣмъ онъ принялся за про-
долженіе своей исторіи. Только теперь онъ
сталъ перушать массу документовъ изъ Москвы,
гдѣ въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ было тогда
Вантовъ-Каменскій и др.; кромѣ того онъ
получалъ лѣтописи отъ разныхъ частныхъ лицъ,
въ томъ числѣ и два харатейныхъ списка
на пергаментѣ, относящихся къ XIV вѣку.

Волынскую лѣтопись онъ приобрѣлъ уже тогда, когда составилъ часть своего труда, а потому принужденъ былъ его передѣлывать. Онъ находился въ постоянной перепискѣ съ тогдашними дѣятелями русской исторіи и такъ работалъ въ течение 12 лѣтъ, написавъ 8 томовъ. Съ этими готовыми трудами онъ отправился въ Петербургъ. Нужно замѣтить, что еще раньше онъ вошелъ въ знакомство у великой княгини Екатерины Павловны; послѣдняя вступила въ переписку съ Караuzziнымъ и приглашала его къ себѣ въ Тверь. Тамъ Караuzziну часто приходилось читать отрывки изъ своего сочиненія самому Александру I, который былъ очень доволенъ и только предостерегъ изъ Твери вдругъ сдѣлать погоню къ нему. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Екатерина Павловна дала Александру I датскую о древней и новой Россіи; эта датская и произвела охлажденіе. Точно такъ, съ какими чувствами ѣхалъ Караuzzi въ Петербургъ и какими сомнѣніями и колебаніями пренебрежена была его душа. Долгое время онъ сидѣлъ въ Петербургѣ безъ всякихъ результатовъ. Въ это время павъ Сперанскій и приближенные Александра I сдѣлали Аракчеева, къ которому Караuzzi и обратился съ просьбой. Аракчеевъ сказалъ о желаніи Караuzziна Александру и послѣдній принявъ его очень ласково и даже велѣлъ отпустить ему изъ казны 60 тыс. рублей. Въ виду этого Караuzzi на расхвалъ принимали во многихъ домахъ, гдѣ онъ читалъ свой трудъ и гдѣ ему курили сигары и аплодировали. Всюду затѣвалъ онъ

переехавъ въ Москву, не прекращая заниматься корректурой своей исторіи. Успѣхъ изданія превзошелъ самыя смѣлѣйшія ожиданія: въ Петербургѣ раскуплено было около 3000 экземпляровъ въ 25 дней; въ Москвѣ же, какъ говорили съ ироніей, разошлось столько, сколько въ городѣ Иркутскѣ. Переехавъ въ Петербургъ, онъ близко познакомился съ августѣйшимъ семействомъ Александра I и въ это же время зарко, сидѣвъ за со-
бѣтѣями; результатомъ его наблюдений и были записки о Польшѣ. Александръ I сказалъ въ раз-
говорѣ, что онъ рѣшился возстановить Поль-
ское королевство; поэтому повелѣ Карам-
зинъ и составилъ записку, идѣ ратовавъ про-
тивъ этого намеренія. Вообще онъ во мно-
гому разошелся съ Александромъ I, въ особен-
ности въ первую половину его царствованія.
Такъ провелъ Карамзинъ свою жизнь въ Мо-
сквѣ и Петербургѣ. Между тѣмъ здоровье
его все расшатывалось и являлась необходи-
мость въ путешествіи. Уже онъ собирався
въ началѣ царствованія Николая I отпра-
виться въ путь для поправленія здоровья,
какъ Декабрьскій переворотъ задержалъ его.
Николай унаследовалъ расположеніе къ Ка-
рамзину отъ своего брата, такъ что, когда
тотъ отправлялся за границу, онъ велѣлъ
приготовить для него отдѣльный фрегатъ.
Будучи на томъ, Карамзинъ получилъ отъ
государя рескриптъ, идѣ ему назначалась
гогодная пенсія въ 5000 рублей въ годъ,
но вскорѣ послѣ этого онъ умеръ.

Затиска о древней и новой Россіи Карамзина. Теперь намъ нужно обратиться къ характеристикѣ историческихъ воззрѣній Карамзина и ихъ вліянія на ходъ русской исторіи. Важнѣйшимъ матеріаломъ для насъ является въ этомъ случаѣ его „затиска о древней и новой Россіи“. Эта книга была написана въ то именно время, когда Карамзинъ былъ у великой княгини, сестры Александра I въ Твери, когда здѣсь присутствовалъ самъ государь, которому Карамзинъ и вручилъ свою книгу. Государь прочелъ ее, но остался ею недоволенъ. Я останавливаюсь только на наиболѣе характерныхъ мѣстахъ этой „затиски“, въ которыхъ ярко выражаются воззрѣнія Карамзина на историческую и общественную жизнь Россіи. Первая половина этой книги заключаетъ взглядъ на историческую судьбу Россіи до Александра I, вторая же — оцѣнку царствованія Александра I. Она представляетъ историческую канву, по которой должна быть написана „Исторія Государства Россійскаго“. Карамзинъ начинаетъ свою затиску съ обзорѣнія древнихъ судебъ Россіи и говорить, что еще съ XI вѣка первые кіевскіе князья держали подъ своимъ скипетромъ Россію, что „въ XI вѣкѣ государство Россійское было, какъ богатыи, пышныи и юности, въносятъ себѣ долготу и славную дѣятельность“. Такимъ образомъ онъ смотритъ на первыхъ кіевскихъ князей, какъ на монарховъ; но „въ несчастіи она въ сей, богдой юности не предохранила себя отъ общей язвы тогдашняго времени, которую

народа Германскіх союзиимъ свѣтъ: говорю о системѣ удѣльной". Съ ослабленіемъ государственнаго могущества, ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властью." Слѣдовательно, эпоха удѣльно-вѣчевой системы представлялась Карамзину, какъ самое печальное время русской исторіи. По его мнѣнію только, „глубокомысленная политика князей московскихъ не удовлетворялась собраніемъ частей въ одно цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо и единовластіе усилить самодержавіемъ." Въ этомъ, главнѣйшѣмъ образомъ, заключается заслуга Московскихъ князей; самодержавіе было достигнуто вовсе не геройскими подвигами, а „единственно умною политическою системою, согласно съ обстоятельствами времени. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гнѣна отъ разноравствъ, а стала мудрѣе самодержавіемъ."

Съ этой точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ московскихъ князей; но образцомъ самодержавія онъ считаетъ Иоанна III и Иоанна IV грознаго; не смотря на его опричниковъ „всѣ люди знаменитые богатствомъ, или сапожники ежесдневно готовившіе къ смерти и не предпринимавшіе ничего для спасенія жизни своей! Нигдѣ и никогда грозныя самовластія не предлагали степей жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности, или повиновенія, но сія добродѣтель даже не усиливалась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ." Но даже Карамзинъ говоритъ: „случилось, чему необходимо надлежало случиться: бояре видѣли въ

полумонархъ дѣло рукъ своихъ и хотѣлъ, такъ
скажутъ, продолжать оное, болѣе и болѣе съе-
дняя власть его. Поздно очнувшись Шуйскій и
тщетно хотѣлъ порывами великодушія утвер-
дить колеблемость трона. Воскресши древній
шуйты боярскій и народъ, волнуемый на то-
щадіи наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ
бѣльмоу, толпами стремились ко двору
Кремлевскому предписывать законы государю.
Представители церкви вынуждены народомъ и
боярами наименовать единодушно и единоглас-
но Михаила Самодержцемъ, монархомъ не-
ограниченнымъ. Такиимъ образомъ и въ эти
тяжелые годы самодержавіе вышло съ честью
изъ этой борьбы.

Но вотъ явился Петръ. Взглядъ Нарам-
зина на Петра Великаго весьма оригиналенъ;
это не былъ тотъ взглядъ, который онъ выска-
залъ раньше въ „писемѣхъ Русскаго путеше-
ственника“. Здѣсь онъ указываетъ, что страсъ
въ Петрѣ къ новшамъ обличалъ преступна
въ немъ границы благоразумія. „Петръ не
хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный
составляетъ нравственное могущество государя,
подобное физическому, нужное для ихъ твердости.
Сей духъ и въра спасли Россію во время само-
званцевъ; онъ есть нечто иное, какъ привя-
занность къ нашему особенному, нечто иное,
какъ уваженіе къ своему народному достоин-
ству. Изкореняя древніе обыкновенья, представляя
ихъ смѣшными, глупыми, хвастливыми, вводя ино-
странные, государь Россіи унижалъ Россіянъ
въ собственномъ ихъ сердцѣ.“ Два государства

могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя права различныя. Государство можетъ дѣйствовать отъ другаго полезнаго свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обязанностяхъ. Пусть сѣмъ обязан естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы, есть насилье беззаконное и для монарха самодержавнаго". Такихъ образомъ, рука самодержавца не должна простираться на незаконныя обязанности. Петровская реформа произвела глубокий расколъ между высшими и низшими классами русскаго общества: "Фрѣль, говоритъ Карамзинъ, отъ сохи до престола Россіане сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обязанностяхъ: со времени Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ низшихъ, и русскій дворянинъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ нѣмцевъ въ русскіхъ дворянахъ ко вреду братскаго, народнаго единодушія, государственныхъ состояній." — "Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи. Виною былъ Петръ. Онъ великъ всѣмъ сомнѣніемъ, но еще могъ бы возвести насъ гораздо выше, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей". "Далѣе, стремясь къ самодержавію, Петръ уничтожилъ папство и этимъ самымъ онъ сдѣлалъ ошибку, забываешь Карамзинъ, уже потому, что со времени Петровыхъ значеніе духовенства въ Россіи пало."

Но, утаивъ ли мы отъ себя еще одну гнетущую ошибку Петра Великаго? Разумѣю осно-

ваніе новой столицы на северномъ край государ-
 ства, среди зыбей болотныхъ, въ лѣсахъ, осуше-
 денныхъ природою на взморіи и недостатокъ.
 Еще не шло ни Риги, ни Ревеля, онъ могъ за-
 ложить на берегахъ Невы купеческій городъ для
 ввоза и вывоза товаровъ; но мысль утвердить
 тамъ пребываніе нашихъ государей была есть
 и будетъ вредною. Сколько людей погибло, сколько
 миллионъ и трудовъ употреблено для
 приведенія въ дѣйство сего намеренія? Можно
 сказать, что Петербургъ основанъ на слезахъ
 и трупахъ. Многочисленный путешественникъ, възв-
 жая въ государство ищетъ столицы обыкновен-
 нно среди лѣсовъ плодородныхъ, благо-
 пригодныхъ для жизни и здравія; въ Россіи
 онъ видитъ прекрасныя равнины, обогатен-
 ныя великими дарами природы, вѣнчанныя ли-
 повыми, дубовыми рощами, перестѣкаемыми
 судорожными рѣками, какъ берега живопис-
 ны для зрѣнія и гдѣ въ климатѣ умеренномъ
 благотворенной воздухъ способствуетъ
 долголѣтію, видитъ и, съ сожалѣніемъ остав-
 ляя сіи прекрасныя страны за собою, възв-
 жаетъ въ пески, въ болота, въ неслыханныя
 сосновыя, гдѣ царствуетъ бѣдность, уни-
 ніе, болѣзни; тамъ обитаютъ государи
 Россійскіе, отъ величайшихъ усилій помога-
 ясь, чтобы ихъ царедворцы и стража не уни-
 рами голодомъ и чтобы ежесудная убогость въ
 жителяхъ наполнялась новыми прищипыва-
 ни, новыми жертвами преждевременной
 смерти! Человѣкъ не одолѣетъ природу!"
 Какъ извѣстно, эта мысль была подхваче-

на впоследствии славено-филант. Точно также, вопреки другим историкам, онъ относится не къ особенностямъ уваженіемъ къ дочери Петра I Елизаветѣ Петровнѣ: не смотря на то, что, Елизавета была праздная, сластолюбивая и не могла управлять Государствомъ, однако царствованіе ея въ Россіи не хвалили: она изъясняла къ нимъ болѣе довѣренности, нежели къ нѣмцамъ, возстановила власть Сената, отминыла смертную казнь, имѣла любовниковъ добродушныхъ, страсть къ весельямъ и нѣжнымъ стихамъ. Вопреки своему чело-вѣколюбію Елизавета вступила въ войну кровопролитную и для насъ безполезна. Первымъ государственнымъ чело-вѣкомъ сего времени былъ канцлеръ Бестужевъ, умный и дѣятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усмиривъ нѣго, монархія давала ему вѣдь торговать политикою и силами Государства; наконецъ свернула его и содѣлала новую ошибку, торжественно объявивъ народу, что сей министръ, душа почти всего ея царствованія, есть гнусный и изъ смертныхъ."

Иначе онъ относится къ царствованію Екатерины II; онъ выражаетъ желаніе, чтобы и Александръ I сегодовалъ по ея стопамъ. Вотъ что говоритъ Карамзинъ о царствованіи Екатерины II: „Екатерина очистила самодержавіе отъ прищиповъ тирансѣва. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердца, успѣхи приятностей свѣтскихъ, знанія разума. Россія съ гостію и славою занимала одно изъ первыхъ мѣстъ государственной европейской системы. Возникнувъ мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами, Екатерина приуготовила ее къ нашимъ побѣдамъ.“ Но сошлись,

что блестящее царствованіе Екатерины пред-
 ставляетъ взору наблюдателя и нѣ который міра.
 нравы болѣе развратились въ палацахъ и жилищ-
 нахъ: тамъ-отъ притворовъ двора любострастна-
 го, здѣсь-отъ всеобщаго для каждаго униженія
 нѣжныхъ дольцовъ. Притворъ Анны и Елизаветы
 обвиняетъ ли Екатерину? Богослова государствен-
 ной принадлежатъ-ли тому, кто шлетъ единствен-
 но красивое лицо? Слабость тайная есѣ толь-
 ко слабость; явная - пороку, ибо соблазняетъ дру-
 гихъ. Само достоинство государя терпитъ, когда
 онъ нарушаетъ уставъ благонравія; какъ люди
 и развратны, но внутренне не могутъ ува-
 жать развратныхъ. Требуется ли доказательствъ,
 что истинное почтеніе къ добродѣтелямъ монар-
 ха утверждаетъ власть его? Горестно, но долже-
 но признаться, что хвали усердно Екатерину за
 превосходныя качества души, невольно вспоми-
 наемъ ея слабости и краснѣемъ за человѣчество.
 Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сѣвре-
 мя; вѣроятно, чувствуя несправедливость свою
 въ тяжбѣ съ дворяниномъ, переносятъ дѣло въ
 кабинетъ; тамъ засѣданіе и не производится.
 Въ самыхъ государственныхъ учрежденіяхъ
 Екатерины видны болѣе блеска, нежели осно-
 вательности. - избранное не лучшее по соедѣ-
 нію вещей, но красивѣйшее по формамъ.
 Таково было новое учрежденіе губерній. "Ланге
 Каравзинъ, утверждаетъ, что „вѣроятно не
 стыдился быть развратнымъ, торговалъ прав-
 дой и чинами“ и дѣлаетъ такое заключе-
 ніе: „Но крайней мѣрѣ, сравнивая все извѣ-
 стное намъ времяна Россіи, едва ли не всякій

изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина Россійскаго."

Въ Павлу Карамзинъ относится съ полнымъ нерасположеніемъ; онъ говоритъ, что Павелъ „заслѣ-
вилъ ненависть злоупотребленія оного (самодержавія)". Сынъ Екатерины могъ бытъ строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъясни-
мому изумленію Россіянъ, онъ началъ господ-
ствовать всеобщимъ ужасомъ, не снѣдая ника-
кихъ уставовъ, кромѣ своей прихоти; снѣдая
насъ не подданными, а рабами. Россіане смѣялись
на сего монарха, какъ на грозный метеоръ,
снѣдая минуты и съ нетерпѣніемъ ожидая по-
слѣдней минуты; она пришла и вѣсть о томъ
въ цѣломъ государствѣ была вѣстью искушенія:
во домахъ и на улицахъ люди плакали отъ ра-
дости, обнимая другъ друга, какъ въ день светл-
лаго Воскресенія. „Кто былъ несчастливѣе Пав-
ла?" Затѣмъ снѣдаютъ намеки, какимъ обра-
зомъ умеръ Павелъ.

По смерти Павла вступаетъ на престолъ Алек-
сандръ. „Два мнѣнія, говоритъ Карамзинъ, бы-
ли тогда господствующими въ умѣхъ: одни хо-
тели, чтобы Александръ I къ вѣчной славы своей
взялъ мѣры для обузданія неограниченнаго само-
власія, столь благодѣтельнаго при его родителяхъ;
Другіе, сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ тако-
го предпріятія, хотѣли единственно, чтобы онъ
вдѣлалъ разрушенную систему Екатерины-
на царствованія, столь счастливую и мудрую
въ сравненіи съ системою Павла." Всѣ Россіа-
не были согласны въ добромъ мнѣніи о каче-
ствѣ юнаго монарха; онъ царствуетъ 10 лѣтъ

и никто не перебивает о томъ своихъ мыслей. Скажу еще болѣе: все согласны, что едва ли кто нибудь изъ государей превосходитъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу; едва ли кто нибудь столь мало осмѣлился блескомъ вѣнца и столь умиль возтъ человѣкомъ на тронѣ, какъ онъ!... Но здѣсь нѣтъ нигдѣ въ твердости духа, чтобы сказать истину. Россія наполнена недовольными: жаждутъ въ палатахъ и въ хитинахъ, не имѣютъ ни доверенности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. Удивительной государственной феноменъ!" Затѣмъ сводитъ на многія страны эта истина. Карамзинъ разбираетъ вѣнчанію политику Александра I и высказываетъ свои взгляды на нее, а затѣмъ переходитъ къ внутренней реформѣ Сперанскаго и здѣсь так-же не скрываетъ порицанія: „разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія и видя ихъ не зрѣлостъ, добрые Россіяне, жаждутъ о болѣешемъ порядкѣ вещей.“ Впрочемъ все намѣренія Александра клонятся къ общему благу. Труднаясь безсмысленно въ правнѣ - удержатъ цѣли въ невѣжествѣ, чтобы влѣстствовать только спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для образованія университетовъ, гимназій, школъ; къ социальнѣ виднѣ болѣе цѣтка для казны, нежели выгоды для общества. Вытѣсли профессоровъ, не пригласивъ учениковъ; между первымъ много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разучиваютъ иностранныхъ языковъ, ибо худо знаютъ русскую исторію. 2 ч.

языкъ Латинскій и много иль такъ не вѣдомо, что про-
фессора терпятъ охоту ходитъ въ классы." Зарѣсь
онъ говоритъ о причинахъ подобнаго рода печаль-
ныхъ обстоятельствъ, что у насъ университеты обра-
зованы по нѣмцкимъ образцамъ, что дворяне у
насъ стремятся только служить, а купцы-знаб-
арио метику, да иностранцые языки для собствен-
ной выгоды; что, все это - „строить университеты,
заводить библиотеки, кабинеты, призывать
знаменитыхъ иностранныхъ астрологовъ, филологовъ-
есть пускать пыль въ глаза. Чего не препода-
ютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и Казани? Заимъ-
нишь также некоторыя странности въ сельско-
вомъ образованіи ученой галлїи. Лучшіе профессо-
ры, коихъ время должно быть посвящено наукамъ,
занимаются подрядами свѣтъ и дровъ для уни-
верситета! Сверхъ того профессора обязаны воздѣ-
лывать по губерніямъ для озорвѣній школы: сколько
денегъ и трудовъ потерянныхъ!" Машко и
сильно, говоритъ Караузинъ, смотрѣть на дѣлъ
профессоровъ, тискающихъ въ кибиткахъ осенью по
дорогамъ. Затѣмъ, онъ особенно порицаетъ экза-
мены при производствѣ въ чины: „Сдѣлавъ многое
для успѣха наукъ въ Россіи и съ неудовольствіемъ
видя слабую ревность дворянъ въ снисканіи уче-
ныхъ свѣдѣній въ университетахъ, правительство
ожекло насъ принудить къ тому и выдало нес-
частный указъ объ экзаменахъ. Отнынѣ никто не
долженъ быть производимъ ни въ статскіе совѣтни-
ки, ни въ коллежскіе ассессоры безъ свидѣтель-
ства о своей учености; это каждая чиновника
нужно требовать знаній, самъразнаго его служе-
бъ, а у насъ теперь председатель Гражданской

саматы должны знать Гомера и Веокрија; над-
зираешь въ домъ сына сиедширъ - Римское право;
въ противность же слуга укрутъ кошежскими
и минцурными советниками.

Затѣмъ слѣдуетъ его мысли относительно на-
мѣненій правительства дать свободу крестьянам;
и въ этомъ вопросѣ онъ является петроградом;
затѣмъ онъ говоритъ о причинахъ закрѣпоще-
нія, о главнѣйшихъ разладахъ крестьянъ и прихо-
дитъ къ слѣдующему заключенію: „мы каже-
мся, что для твердости бытія государственна-
го безопасныя поработы людей, неслимъ да-
же не во время свободы, для которой надобно
готовить челоука нравственнымъ управле-
ніемъ. Въ заключеніе скажемъ доброму мо-
нарху: „Государь! исторія не упрекнетъ те-
бя зломъ, которое прежде тебя существова-
ло, но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣ-
сти и потомству за всякое вредное слѣдствіе
тѣхъ собственныхъ уставовъ.“

Далѣе Карамзинъ говоритъ о собираніи казенныхъ
денегъ: „Казна богатѣетъ только двумя спо-
собами: размноженіемъ вещей, или уменьшені-
емъ расходовъ, приобщенностью и бережлив-
ностью. Если годъ отъ года будетъ у насъ больше
зерна, сукна, кожи, холста, то содержаніе
арміи должно стоить меньше, а тщательная эко-
номія богаче золотыхъ рудниковъ. Милліонъ,
отраченный въ казну за расходами, обращается
въ два; милліонъ, на многомъ приобретенный,
уменьшается нынѣ въ половину, завтра будетъ
третью. Затѣмъ онъ касается экономіи, со-
блюдаемой при дворѣ, говоря, что „бережли-

востъ государя не есть государственная: Александръ называлъ даже скупошъ; но сколько изобрѣтено новыхъ мѣстъ, сколько чиновниковъ ненужныхъ! Здѣсь три генерала стерегутъ туфли Петра Великаго; тамъ одинъ челонокъ беретъ изъ 5 мѣстъ жалованья, всякому столбовой денгъ, множество пенсій измѣненныхъ... одинъ словомъ отъ начала Россіи не бывавшъ. Государя столь измѣреннаго въ своихъ особенныхъ расходахъ, какъ Александръ и царствованіе столь расточительнаго, какъ его."

Затѣмъ у Карамзина идетъ рѣчь о законодательствѣ царствованія Александра. Онъ говоритъ, что чужакомъ не служило бы браво Наполеонова кодекса, а лучше взялся было бы за исправленіе и дополненіе своего собственнаго; порицаетъ формы управленій разныхъ ведомствъ и заявляетъ, что отъ этихъ новыхъ формъ дѣла начедаютъ не въ лучшемъ положеніи. Къ этому прибавляетъ слѣдующее: „Самодержавіе есть помадіумъ Россіи, чуждость ея необходима для ея счастья; изъ сего не слѣдуетъ, чтобы государь, единственный источникъ власти, имѣлъ причины унижать дворянство, столь же древнее, какъ и Россія. Оно было всегда ничто иное, какъ братство знаменитыхъ служъ великороссійскихъ, или царскихъ". „Надлежало бы не дворянству быть почитаемъ, но почитанъ по дворянству, то есть для приобритенія нѣкоторыхъ чиновъ надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у насъ со временъ Петра Великаго не соблюдается; офицеръ есть уже дворянинъ". Такими

Вражда, онъ становится на сторону дворянства и наряду съ нимъ ставитъ и духовенство: какъ дворянство, такъ и духовенство обязано государству по мѣрѣ общаго къ нимъ народнаго уваженія. Не предлагаю возстано-
вить патриаршество, но желаю, чтобы синодъ имѣлъ болѣе важности въ составѣ его и въ дѣлѣхъ; чтобы въ немъ заседали одни архіереи-епископы, чтобы онъ, въ случаѣ новыхъ коренныхъ государственныхъ постановленій, сходился вмѣстѣ съ сенатомъ для выслушанія, для принятія оныхъ въ свое хранилище законовъ и для охранованія, разумиется безъ всякаго противорѣчія. Дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ, надъ всеми государь, единственный законодатель, единовластный источникъ властей. Вотъ основаніе Россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено, или ослаблено царствующимъ.

Наконецъ слѣдуетъ заключеніе, въ которомъ проводится мысль, что, если Александръ будетъ сохранять прежнія учрежденія, если благоразумною строгостію онъ постарается заставить своихъ подданныхъ ревностно свои служебныя обязанности, если онъ спасетъ Россію отъ опасной войны съ Наполеономъ и, что вообще, если все свое вниманіе обратитъ на внутреннее положеніе дѣлъ, то вся Россія благодаритъ Александра, колебанія утихнутъ, неудовольствія исчезнутъ."

Этотъ же помыселъ нѣсколько отрывковъ изъ письма Н. М. Нарашкина къ императору

Александръ. Однажды государь высказалъ мысль, что желаетъ возстановить Польшу королевскою. Карамзинъ написалъ возраженіе, гдѣ говоритъ: „Вы христіанинъ, но вы истребили полки Наполеона въ Россіи, какъ греки-язычники истребили персовъ на берегахъ Фмады... Какъ христіанинъ, вы любите своихъ личныхъ враговъ. Но Богъ далъ вамъ царство и вывѣстѣ съ нимъ обязанность неимовѣрно заботиться о блаженствѣ еяго.“ Затѣмъ, сказавъ о препятствіяхъ и трудностяхъ возстановленія Польши вообще, презирая ея владычествъ, что Австрія не уступитъ Галиціи для новаго государства, онъ продолжаетъ: „Но если бы возстановилась древняя Польша и произвела нѣкогда истиннаго достойнаго, искреннаго, безпристрастнаго, то онъ, государь, осудилъ бы ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго счастья, доброй, сильной Россіи.“ Тѣмъ же свое Карамзинъ заканчиваетъ тѣмъ, что вновь возстановленное государство никогда не будетъ искренно-дружески относиться къ Россіи.

Исторія Государства Россійскаго.

Перейдя теперь къ его „исторіи государства Россійскаго.“ Прежде всего обратимся къ мысли, которую Карамзинъ высказалъ въ предисловіи къ своей исторіи. Предисловіе начинается съ опредѣленія исторіи: „Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ - главная, необходимая, зеркало нѣтъ бытія и дѣятельности; скрижали откровеній и правды; заветъ предковъ къ потомству;

допущеніе, изъясненіе настоящаго и примиреніе бу-
дущаго." Конечно, это опредѣленіе исторіи въ на-
стоящее время не удовлетворяетъ намъ и эти-
чески, чисто утилитарныя характеромъ.
Затѣмъ Карамзинъ доказываетъ пользу исто-
ріи для правителей, законодателей, которые
вмѣстятъ на ея листы, какъ моретаваже-
ли на чертески морей; для нихъ исторія, съ-
дѣлательно, представляетъ образцы и примѣры.
Но и простому гражданину должно читать
исторію. Почему? — „она миритъ его съ несо-
вершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ
и обыкновенныя явленія во всемъ въ казъ;
утѣшаетъ въ государственныхъ издѣліяхъ,
свидѣтельствую, что и прежде бывали по-
добныя, бывали еще ужаснѣйшія и государ-
ство не разрушалось. Она питаетъ нравствен-
ное чувство и праведности судомъ своимъ
располагаетъ душу къ справедливости, ко-
торая утверждаетъ наше благо и согласіе
общества". — Такова польза исторіи. Сколь-
ко же удовольствій для сердца и разума!
Любопытство средно человеку и просвѣщен-
ному и дикому. На славныхъ играхъ Олим-
пійскихъ умоляли души и толпы безмолвно
вѣдали Геродота, читающаго преда-
ніе въ ковѣ... Исторія, отверзая гробы, под-
нимая мертвыхъ, влечетъ насъ жизни въ сердце
и слово въ уста, изъ тѣни вновь создаетъ
царства и представляя воображенію рядъ
вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нра-
вами, дѣланіями, расширяетъ предѣлы на-
шего собственнаго бытія; въ творческаго си-

люю мы живемъ съ людьми всего времени, видя и слыша ихъ, любя и ненавидя; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ, или питаютъ чувствительность." Далѣе, "если всякая исторія бываетъ приятна, какъ говоритъ Плиній, то тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нигдѣ никогда говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы же все граждане въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Ассиріи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любя его, мы любимъ себя." Такъ Карамзинъ говоритъ о національности. Затѣмъ онъ доказываетъ, что русская исторія интересна не только для русскаго, но и для всякаго иностранца. "Не надобно быть русскимъ, надобно только мыслить, чтобъ съ любопытствомъ читать преданія народа, который силою и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частью міра, открылъ страны, никому до того неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ вселенную въ рою."

Правда, исторія Фукидида, Ливія и Геродота весьма интересна для всякаго, такъ какъ тамъ говорится о странахъ и народахъ просвѣщенныхъ, однакоже силою можно сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава,

феда Батыева, возстание Россіанъ при Донскомъ и т. д. Знаю, говоритъ Карамзинъ, что битвы нашего чудеснаго мекдоусобія, гремящая безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, поновасно дѣлаютъ разума, что сей предметъ не богатъ ни мыслями дѣла краматки, ни красотами дѣла живописца; но исторія - не романъ и міръ не садъ, гдѣ все даётся быть приятно. Она изображаетъ дѣйствительный міръ. Крайне того и сама древняя исторія не представляетъ глубокаго интереса; если, напр., исключить изъ исторіи Фукидида ея торговлю, то останется только голый разсказъ о междоусобіяхъ греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рождаютъ за честь Афинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова, или Олегова дома."

Но какова же должна быть Исторія? - Есть три рода исторіи: первая современная, наприм., Фукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; вторая, какъ Плутархова, основывается на священныхъ словесныхъ преданіяхъ въ близкомъ къ описываемымъ дѣйствіямъ вѣремъ; третья извлекаетъ только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка. Затѣмъ Карамзинъ опредѣляетъ требованія отъ историка: исторія, говорятъ, наполнена ложью; скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, вѣра въ правду и лжи; однакожь характеръ истины всегда болѣе, чѣмъ лжи сохраняется; и, сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣланіяхъ. Только въ скептическіе и строгіе критика; тѣмъ не-

позволительные историкъ, для выгоды его дарова-
 ній, обманывать добросовѣстныхъ читателей,
 мыслить и говорить за герольдъ, которые уже дав-
 но безмолвствуютъ въ могилѣхъ. Это же оста-
 ется еще, прикованному, такъ сказать, къ сурьмѣ
 хартіи древности? Порядокъ, ясность, сила,
 живость. Три элемента имѣетъ значеніе па-
 тристическаго: мѣловъ къ отечеству даетъ его ки-
 сти жеръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ мѣловъ, нѣтъ
 и души. Обращаясь, наконецъ, къ своему тру-
 ду, Карамзинъ говоритъ: „не дозволяя себѣ ника-
 кого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ языкѣ
 своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ;
 искалъ духа и жизни въ тѣмъ, что хартіи;
 искалъ переданное намъ въ камнѣ, соединить въ
 систему, ясную стройную съ мѣрами частей;
 изображалъ не только вѣдствія и славу войны;
 но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бы-
 тія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи,
 законы, промышленность.“ Далѣе у него идея
 о примѣчаніяхъ и выпискахъ, которую онъ
 сдѣлалъ въ своемъ трудѣ: „Множество сдѣлан-
 ныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ
 меня самого. Счастливы древніе: они не вѣда-
 ли сего мелочнаго труда, въ коимъ теряется
 половина времени, скупаетъ языкъ, ваетъ вообра-
 женіе, тѣлѣстная жертва, приносимая досто-
 вѣрности, однакоже необходимая! Если бы все
 матеріалы были у насъ собраны, изданы, опи-
 саны критикомъ, то мнѣ оставалось бы един-
 ственно соглашаться; но когда большая часть ихъ
 въ рукописяхъ въ темнотѣ; когда едва ли что
 обработано, изъяснено, соображено — надобно

вспомнить терпеливие. Съ XV же века уже менее выписываю; источники размножаются и становятся яснее.

Наконец, въ концу Карамзинъ говоритъ о раздѣленіи русской исторіи на періоды; Шлецеръ сказалъ, что наша исторія должна раздѣляться на слѣдующіе 5 періодовъ: отъ 862 года до Святослава должна быть названа рождѣншеюся; отъ Ярослава до монголовъ - рождѣнною; отъ Батыя до Іоанна III - угнетенною; отъ Іоанна до Петра Великаго - побѣдоносною; отъ Петра до Екатерины II - процвѣтающею.

Не соглашаясь съ этими дѣленіями, Карамзинъ предлагаетъ слѣдующее: „гараздо лучше, истиннѣе, скромнѣе исторія наша дѣлится на древнѣйшую - отъ Рюрика до Іоанна III, на среднюю - отъ Іоанна до Петра и новую - отъ Петра до Александра. Система удовольъ была характе- рна въ первой Эпохи, единовластіе - второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ - третьей.“

Свое предисловіе къ „исторіи государства Россійскаго“ Карамзинъ заканчиваетъ перечисленіемъ источниковъ, которые были въ его распоряженіи; тутъ прежде всего нужно упомянуть 1) о летописяхъ; онъ сообщаетъ о тѣхъ рукописныхъ спискахъ, которыми онъ пользовался; говоритъ, что у него были и такіе списки, ко- торые не были известны Шлецеру. Кроме летописей сюда относятся также и другіе источ- ники; 2) степенная книга; 3) хронографы, или всеобщая исторія по византійскимъ летописямъ, со внесеніемъ и нашей весьма краткой; 4) житія святыхъ - въ патерикъ, въ про-

логовъ и въ мнѣяхъ; 5) Особенныя описанія
 наприимѣръ, сказанія оъ Александрѣ Невскомѣ;
 6) Разряды, или распределенія воеводъ и полковъ;
 7) Родословная книга; 8) Посланія святителей;
 9) археологическiя данныя, грамоты, статей-
 ные списки, иностранныя современныя описанія,
 государственныя бумаги иностранныхъ
 архивовъ. — "Вотъ материалы исторiи и пред-
 метъ исторической критики"! — такъ заканчи-
 ваетъ Карамзинъ предисловіе къ „исторiи го-
 сударства Россійскаго." Теперь обращаеише
 20/611. къ самой исторiи. Она доведена до 1611 года
 вѣроятно. Последняя фраза, заключаю-
 щая этотъ трудъ, такова: „Ордыне не сдѣ-
 лана." Нужно замѣтить, что приписанiя въ
 разныхъ изданiяхъ неодинаковы. Прежде всего нуж-
 но раздѣлить два изданiя: одно полное, а дру-
 гое въ сокращенномъ видѣ, предназначенное для
 простаго чтенiя; это последнее издано Смирди-
 нымъ; въ полномъ же видѣ издано Эйнерлин-
 гомъ. Переходя къ самой „исторiи Государ-
 ства Россійскаго, я сдѣлаю нѣсколько замѣ-
 чанiй. относительно значенiя и характера
 разныхъ эпохъ: Рассказъ о судьбахъ древней
нашей исторiи не отличается самостоятель-
нымъ характеромъ, но за то Карамзинъ пред-
ставляетъ довольно ясное изложениe дѣлъ на
основанiи уже существующей литературы.
Взглядъ на Киевскiй періодъ отличается уже
болѣею самостоятельностью; онъ смотритъ
на эту эпоху, какъ на періодъ монархическiй
(и, конечно, ошибается). Польский періодъ по
мнѣнiю Карамзина, былъ самымъ печальнымъ

временем; это было время упадка силы и могущества русского государства, падения единовластия, одна из самых скучных и неприятных страниц русской истории. От этой эпохи Карамзинъ переходитъ къ развитію московскаго единодержавія; здѣсь онъ какъ бы возбужденъ, съ особеннымъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ московскаго единодержавія и останавливается главнымъ образомъ на личности Иоанна III, котораго ставитъ даже выше Петра Великаго. Затѣмъ онъ останавливается на Иоаннѣ Грозномъ и здѣсь изображаетъ его такимъ же тираномъ, какимъ изображаетъ его въ наше время Костомаровъ; онъ доволенъ только, что русскій народъ вышелъ съ честью изъ этого испытанія. Наконецъ, переходя къ смутной эпохѣ, Карамзинъ дѣлаетъ замѣтливую характеристику михалычя, которая было въ русской землѣ передъ избраніемъ Михаила Александровича.

"Исторія Государства Россійскаго" пользовалась громаднымъ успѣхомъ въ публикѣ: въ теченіи перваго мѣсяца разошлось 300 экземпляровъ, а въ теченіи года 3000. Всегда затѣмъ издавали второе и 3^е изданія. Въ нѣкоторыхъ журналахъ того времени, редактированныхъ Капеновскимъ и Полевымъ, появившес, въпрочемъ, отрицательные отзывы объ "Исторіи Государства Россійскаго" Карамзина; эти отзывы исходили отъ скептиковъ, на взглядѣхъ которыхъ я останавлиюсь послѣ. Здѣсь же стоитъ упомянуть друиухъ лицъ. Кромѣ Капеновскаго и Полеваго, отрицательный мнѣ-

нія были высказаны Ариузащевымъ, Ходаковскимъ, который оказалъ громадную пользу русской археологич., хотя его теорія о городищахъ едва ли можетъ быть принята; Лелевичесъ, мнѣніе котораго относится къ предисловію „исторіи“ Карамзина и, наконецъ, Муравьевымъ, который до нѣкоторой степени примыкаетъ къ Денавринцамъ. Другія лица высказывали восторженные отзывы; сюда нужно отнести Старчевскаго, Струцку, Жуковскаго.

Вотъ отзывъ Струцки: „Его „исторія государства Россійскаго“ подобна зданію огромному, вышина коего обмѣщаетъ глубину и многотрудность прочнаго основанія. Время очень немногихъ догадокъ его опровергло; добросовѣстность историка подаетъ читателямъ много къ отысканію ошибокъ его въ богатомъ запасѣ его примѣчаній. Конечно, его разсужденія о происхожденіи Славянъ не совсемъ удовлетворительныя и сужденія его о Востокѣ оцѣвляемые предубѣжденіями западной образованности; но, въ оправданіе Карамзина замѣтимъ, что надъ колыбелью каждаго народа простерта непроницаемая пелена, которую поднять и знаменитѣйшимъ историкамъ не удавалось. Что же касается до взгляда его на Востокъ, онъ не всегда вѣренъ, потому что рѣшительно наъ такъ воспримываютъ. Однако замѣните въ его исторію: съ какимъ усердіемъ свѣдѣтъ онъ въ ней постепенное развитіе христіанства въ нашемъ отечествѣ! То, что ускользнуло отъ его взора, приводитъ теперь въ стройный составъ похвальныхъ трудовъ

новейших изобретателей. А нравы, обычаи, язык древней Руси как занимают его! Съ какими усердіемъ ловитъ онъ недосказанное слова лототисцевъ и пишетъ картину Русскаго народа въ разныя времена, вопреки несправедливой укоризны тѣхъ, кои стараются увѣрить насъ, что Карамзинъ, занявшись государствомъ, забылъ о народѣ!... Слово безсмертнаго повѣствователя выше всякой похвалы; выдержанный безъ образца, онъ сдѣлался образцовымъ и, если въ немъ желалось бы иногда болѣе упругости и твердаго выраженія мыслей, то эта излишняя мягкость часто уступаетъ вдохновенію боготписателя.

Въ заключеніи скажемъ: Николай Михайловичъ Карамзинъ живой примѣръ безпримѣрнаго добродѣшья, незлобія и даровитости ума, началъ и открылъ для насъ періодъ народнаго самосознанія. До него Россія походила на тѣ померныя страны, въ которыя должно пробираться по сугробамъ и глубокимъ снѣгамъ — при багровомъ отливѣ сѣверныхъ сіяній, или въ полночномъ мракѣ. Онъ проложилъ и разработалъ стези къ знанію прошедшаго; а безъ сознанія нравственная жизнь и доблестъ какова — бы то ни было народа — поощается доупрекивающимъ влеченіемъ къ веществу, или рабствомъ ко всему чужеземному. Такая заслуга выше всякихъ заслугъ, въ особенності, когда словесно не низке великаго писателя! — Таковъ отрывокъ 2. Струцзвы. Етункинъ не былъ въ числѣ строгихъ критиковъ „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, но написалъ на нее такую эпитафию:

1. „Въ его исторіи измѣноѣ, простота
Доказываютъ намъ — безъ всякаго пристрастія
Необходимость самоуласть
И прелести кнута.“

2. „Послушайте меня, я скажу вамъ скажу
Про царя, и про его жену,
Про Новгородъ и время золотое
И, наконецъ, про грозного царя.“

И, бабушка, затѣяла пустое:

„Докончи намъ Мило Богатыря.“ Пушкинъ.

Трудъ Карамзина былъ встрѣченъ благосклонно не только въ русской исторической литературѣ, но даже и за границей; еще при жизни его „Исторія Государства Россійскаго“ была переведена на французскій языкъ. Одинъ переводъ былъ сдѣланъ въ Парижѣ, другой въ Петербургѣ. Въ французскомъ журналѣ „Constitutionnel“ въ это время писалось: „можно ли автору быть умѣреннымъ, скромнымъ въ своихъ ожиданіяхъ? Явленіе удивительное! Вотъ черта, которая лучше всего изображаетъ намъ высокую душу Карамзина. Великій писатель, заслуженный историкъ, знаменитый гражданинъ, забывавъ о всехъ своихъ заслугахъ и правахъ на признательность потомства, радуется больше всего тому, что потомство признаетъ его честнымъ человекомъ.“ Самъ Карамзинъ говоритъ объ этомъ отзывѣ: „Либеральный Constitutionnel въ № 13 Октября, пишетъ о Карамзинѣ; осыпавъ меня похвалами; хвалять даже мою либеральность вопреки либералистамъ! Странно, что они, французы въ этомъ находятъ больше, нежели иные

братъя русскіе въ вещи! (точно называю переводъ). Я мысленно и словами часто бранилъ французскихъ переводчиковъ, а первые парижскіе журналы хвалять ихъ даже ревностно. Здѣсь же упоминаемъ и объ отзывѣ нѣмецкаго писателя Берне: „Карамзина, исторіи Государства Россійскаго“ мастерское произведеніе, достойное своего предмета. Распредѣленіе частей соответствуетъ уму, ясно и разумно. Перепутанная масса странъ и народовъ, изъ которыхъ мало по малу сложилось громадное государство, съ большимъ искусствомъ разобрана и, согласно своему значенію, болѣе или менѣе освѣщена. Слогъ благородный, сильный и, гдѣ слѣдовало, живительный. Нѣтъ недостатка въ превосходныхъ разсужденіяхъ, но онѣ вытекаютъ изъ собоцій, а не приданы сочинителемъ въ видѣ высокопарныхъ вставокъ. Гдѣ требована правда, Карамзинъ, если не такъ радостно, то тѣмъ не менѣе вѣрно, говоритъ объ ошибкахъ и пораженіяхъ своего народа, равно какъ и о его подвигахъ и доблестяхъ. Особенно поражаетъ его откровенность, съ которою онъ тепло и одобрительно представляетъ нѣкоторые принципы, отъ принятія которыхъ въ жизнь Россія еще такъ далека, не столько потому, что правительству не достаетъ любви къ свободнымъ учрежденіямъ, сколько вслѣдствіе недостатка въ обществѣ чувства свободы... Русская критическая литература относител. къ труду Карамзина съ большимъ уваженіемъ. Мы имѣемъ два отзыва: Старчевскаго и Погадина. Старчевскій довольно характеристично опредѣляетъ значеніе „Исторіи Государства Россійскаго“ исторіографіи 2 ч. лекц. проф. Багалъя.

го", хотя нельзя не сказать, что онъ нѣсколько идеализируетъ его: „Въ наше время, когда въ послѣднѣй 25 лѣтъ науки такъ быстро подвижались впередъ, а многиѣ получили даже совершенно новое значеніе и направленіе, въ особенности исторіи и филологіи, „Исторія Государства Россійскаго“ все таки остается великимъ произведеніемъ великаго писателя. Для действительно полезной критики на „Исторію Государства Россійскаго, надо предпринимать 12-лѣтній походъ въ область археологій и критики, какой совершилъ самъ Карамзинъ. Конечно такой походъ будетъ теперь гораздо легче, ибо многое, чѣмъ пользовался Карамзинъ въ рукописи, теперь уже издано. Результатомъ этого похода можетъ быть только убѣжденіе, что Карамзинъ не имѣя вѣрныхъ данныхъ объ извѣстномъ событіи, долженъ былъ пользоваться тѣми, какиѣ у него были подъ рукой, отчего и могла произойти не одна ошибка. Но за все это тѣмъ никто не въ правѣ сказать, что Карамзинъ искажалъ то или другое событіе, что онъ проявлялъ въ своемъ трудѣ ложную избу, ложный взглядъ на вещи и ввелъ другихъ въ заблужденіе, какъ дѣлали это поспѣвающіе историкѣ, слово никто не можетъ упрекнуть Карамзина въ недобросовѣстности...“ „Начиная съ того мѣста, гдѣ русская исторія дѣлается достояніемъ и гдѣ не было недостатка въ отечественныхъ памятникахъ, Карамзинъ выполнилъ свое дѣло какъ нельзя лучше и добросовѣстно. Можно только замѣтить, что онъ придавалъ меньшее значеніе древнему великому князю сѣву

киевскому и его государямъ; но въ эту ошибку онъ могъ быть вовлеченъ недостаткомъ историческихъ матеріаловъ "...", Карамзинъ, трудясь во имя науки, въ то самое время хотѣлъ дать историческую оперу новому русскому обществу; напомнитъ ему, что оно имѣетъ свое прошлое, утвердитъ народнось. Вотъ главная цѣль труда Карамзина, которая увѣнчалась неизмѣримымъ успѣхомъ. Благотворное вліяніе этого колоссальнаго труда на русское общество было несмѣлимое и вполне вознаградило писателя за жертву, которую принёсъ онъ наукѣ."

Что касается Погодина, то его отвѣтъ еще болѣе обстоятеленъ и еще болѣе интересенъ:

"Всякое историческое произведеніе можетъ быть разсматриваемо съ 3^х сторонъ: 1) со стороны критики, 2) искусства и 3) науки.

Критика изслѣдуетъ, оцѣняетъ, przygotowuje матеріалы. Искусство воспроизводитъ событія и представляетъ ихъ вообразженію, какъ бы они теперь происходили.

Наука проникаетъ въ ихъ внутреннюю связь и открываетъ ихъ законы, или божесіевенныя идеи... Карамзинъ принужденъ былъ по необходимости принять на себя все три обязанности и мы должны показать его заслуги съ этихъ трехъ сторонъ. Онъ разсматривалъ и изслѣдовалъ все извѣстныя до него историческіе источники и множество новыхъ; имъ самимъ открытыхъ; ни одного списка льтописи не осталось непрочитаннаго, непроисмотрѣннаго и на всѣхъ сіяетъ свѣтъ его руки.

Этого мало, онъ перечелъ столько же доѣзжихъ -
 стно историковъ, которые прежде его пользова-
 лись ими и показавъ, гдѣ и какъ они уклоня-
 лись, часто даже - почему. Вообразите же се-
 бѣ это множество списковъ, лѣтописей, это мно-
 жество грамотъ и различныхъ сказаній, это
 множество изслѣдованій и многотранныхъ сви-
 дѣтельствъ, какъ должно было обдумать и шить
 въ виду! Взгляните на примѣчанія въ каж-
 дому тому. Отвсюду извлекаю Карамзинъ
 сущность и употребляю въ дѣло, указываю при
 всякомъ положеніи на то свидѣтельство, ко-
 рое служило ему основаніемъ, приводя вѣсѣ-
 ннѣйшія мѣста изъ древнихъ источниковъ, И
 что, если бы мы имѣли несчастье потеряв-
 шъ все - наука могла бы еще идти дальше и со-
 вершенствоваться изъ одного его сочиненія.
 Въ его примѣчаніяхъ заключается почти дру-
 гая исторія, столько же драгоценная, изъ подлин-
 ныхъ словъ составленная... Все дѣйстви-
 вавшія лица были, кажеся, предъ его гла-
 зами со всеми случаями изъ ихъ жизни,
 удѣльныхъ князей, напимѣръ; которыхъ бы-
 ло по множеству въ одно время и которые
 ежедневно поѣхъ лѣтѣли свои города и гра-
 мевъ между собою, и дружились, измѣняли
 другъ другу еще чаще. Карамзинъ расчлѣнилъ
 каждого въ свое мѣсто, въ свое время, въ свои
 отношенія и въ 25 лѣтъ не нашлось ника-
 кихъ важныхъ противорѣчій въ тысячахъ
 показаній этого рода. Дѣятельный ученый
 принялъ на себя обязанность составить ука-
 зателъ къ сочиненію Карамзина и этотъ ука-

затѣмъ занявъ два болѣе тома въ тысячахъ предметовъ. Въсѣ, занимающіеся исторіей, покинутъ и безплодную книгу, а эта книга была только оглавленіемъ, перечисленіемъ предметовъ, изслѣдованій, оппаніи Карамзина въ нихъ послѣдовательности и связи."

Мы переходимъ, продолжаетъ далѣе Погодинъ, къ разсмотрѣнію "исторіи" Карамзина со стороны искусства. Истинно, разсматривая многочисленные, утомительные, тѣлостные, часъ за часъ труды Карамзина въ области критики, не понимаешь, какъ послѣ нихъ оставалось ему еще время писать исторію и невольно приходитъ мысль, что она изливалась сама собою изъ глубины его души и сердца, естественнымъ слѣдствіемъ его чтенія и размышленія, какъ будто кристаллизовалась, не стоя ему ни малѣйшаго труда". Затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ о языкѣ Карамзина и приведя цѣломъ впечатленіе въ исторію Іоанна III Карамзина, Погодинъ продолжаетъ: „Неужели это не чудо? Какая стройность, пѣкота, благозвучіе, величіе! Этого языка никто не превзойдетъ, никто съ нимъ не сравняется, никто его не достигнетъ! Только одинъ разъ, только въ одномъ цѣлѣ могъ онъ такъ произвестись и повторяться такое явленіе не можетъ, какъ не можетъ повторяться храмъ св. Петра, Рафаэлева Мадонна, Моцартова Симионидъ. Въ "исторіи государства Россійскаго" Карамзинъ поставилъ языкъ свои Гиркулесовскіе столпы, коіе нельзя преити невозможно. Мы будемъ имѣть много гениальныхъ произведеній, потому что на-

ука, искусство, жизнь, языкъ, безконечны; но уже въ другомъ родѣ, другаго ладу, другаго сочиненія!"

Наконецъ, разсматривая исторію Карамзина со стороны науки, мы должны прежде всего замѣтить, что онъ не успѣлъ кончить своего историческаго труда, не успѣлъ замкнуть своего высокаго свода, не успѣлъ произнести своего заветнаго слова. Карамзинъ изобразилъ ужасное состояніе Россіи во время междоусобицъ, показавъ издали прекрасную зарю освобожденія отъ враговъ, но здѣсь, сраженной болотою, остановившейся; на роковомъ выраженіи „орышекъ не сдѣвался" перо вышло изъ рукъ великаго писателя и русская исторія открылась! Всеобщее должно сожалѣть о томъ, что Карамзинъ не написалъ предполагаемаго или оговореннаго, гдѣ въ краткихъ, но ясныхъ, по особенному свойству его ума, чертахъ, мы увидѣли бы его понятіе о русской исторіи прошедшей, настоящей и будущей, его мнѣніе о судьбѣ и назначеніи Россіи, его заветы науки. Вотъ гдѣ должно было представиться органическое развитіе исторіи, вотъ гдѣ должна была выразиться система! Потеря эта вознаграждается отчасти его „запискою о древней и новой Россіи", но эту записку писалъ онъ еще очень рано, занимаясь не болѣе 7^{ми} лѣтъ русской исторіей...

Вотъ взглядъ Погодина, который былъ высказанъ въ 1866 году въ день празднованія юбилея Карамзина; во время этого юбилея были высказаны и другіе взгляды. Я остановлюсь на отзывѣ извѣстнаго юриста архивиста Ник. В. Капачева въ статьѣ о значеніи Карамзина въ

истории русского законодательства. Привожу несколько характерных выдержек: „Въ самом началѣ своей истории Карамзину предложено рассмотреть 3 разряда совершенно разнородныхъ памятниковъ законодательной дѣятельности нашихъ князей, именно договоры съ греками, церковные уставы и Русскую правду. Первые были уже не одинъ разъ изданы и объяснены и потому, признавая ихъ драгоценнейшими и древнѣйшими памятниками русской истории, онъ ограничилъ изложеніемъ въ ея текстѣ ихъ содержанія, а въ примѣчаніяхъ — объясненіемъ некоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ выраженій и словъ. За то уставы о церковныхъ судахъ написаны лишь въполнѣ; Уставъ св. Владиміра впервые по списку Синодальной Коринѣи XIII вѣка, а уставъ Ярослава по собственному его списку XVII столѣтія. Оба эти устава онъ признаетъ подложными и преимущественно съ этой точки зрѣнія рассматриваетъ въ нихъ нѣкоторые мѣста, возбуждающіе сомнѣніе историка и филолога“.

Что касается „русской правды“, то Карамзинъ первый познакомилъ насъ съ одной стороной ея древнѣйшими ея списками на основаніи Синодальной Коринѣи XIII вѣка харатейнаго списка, принадлежавшаго графу Мусину Пушкину, а съ другой стороны — съ особою пространныю ея редакціей на основаніи собственнаго его списка, который я издалъ въ 1846 году подъ именемъ Карамзинскаго. Показаніе на эти списки составляетъ, конечно, задачу; но она увеличиваетъ помѣщенными на-

ранились въ примѣланияхъ объясненій ми множества выражений, встрѣчающихся въ разныхъ текстахъ „Русской правды“. Изложеніе періода удовольствіе дано поводу Карамзину знакомимъ своимъ знакомымъ съ грамотами, знававшимъ князьями монастырскимъ, церковнымъ и свѣтскимъ обществомъ, особенно въ предѣлахъ новгородскихъ, съ грамотами договорнымъ съ одной стороны между самими князьями, а съ другою — между ними и Новгородомъ, Смоленскомъ, Рязанью и гандейскими городами, съ духовнымъ дѣломъ князей, съ суднымъ грамотами Новгорода и Пскова и, наконецъ, съ памятниками церковнаго права, въ томъ числѣ и съ ярыгами, даннымъ ханамъ Золотой Орды на — мену. духовенству“.

„Съ Іоанна III, когда начинаютъ наши дипломатическія сношенія съ иностранными государствами, Карамзинъ предлагаетъ выписки изъ заключенныхъ съ ними договоровъ и изъ бывшихъ съ ними сношеній по рукописямъ Московской Архива иностранной коллегии — нынѣшняго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ и слѣдующемъ томѣ своей исторіи, онъ ссылается непрерывно на дѣла царскія, или австрійскія, польскія, нидерландскія, крымскія, турецкія, греческія, папскія и проч. Тому, кто имѣлъ случай обозрѣвать эту массу памятниковъ дипломатическихъ сношеній, за — вѣщанныхъ намъ нашими предками, изъ коихъ напечатанныя недавно сношенія съ однимъ или двумя дѣлами до XVII в. составляютъ

самъ большіхъ толковъ, легко составитъ себѣ
понятіе о томъ, сколько терпѣнія и мѣткости
своему труду долженъ былъ имѣть Караи-
зинъ, чтобы перечитать и усвоить себѣ весь
этотъ трудъ. Но разсказъ о дипломатическихъ
сношеніяхъ онъ велъ параллельно и въ связи
съ описаніемъ внутреннихъ событий: эти послѣд-
нія онъ черпалъ изъ трудовъ другихъ русскихъ,
въ числѣ которыхъ вниманіе юристовъ обра-
щаютъ на себя судебники окошъ Іоанновъ
съ дополнительными къ нимъ статьями, Со-
борныя дѣянія и между ними Стоглавъ,
книги помѣстного приказа, разметная и сош-
ного писма, множество грамотъ, чины на
разныя поставленія, присяги, дѣла судебныхъ.
Итакъ, если мы припомнимъ, что весь этотъ па-
мятникъ изданъ былъ въ болѣе позднюю эпоху,
а во время Караизина совершенно не были
изданы ни собранія государственныхъ грамотъ,
ни договоровъ; если мы припомнимъ, что Сто-
главъ былъ изданъ только въ 60 хъ годахъ XIX
вѣка, то мы поймемъ важное значеніе вы-
держекъ, приводимыхъ Караизинымъ. На
это я заканчиваю рѣчь о Караизинѣ. X

Скептическая школа.

Переходимъ теперь къ скептической школѣ, ко-
торая является реакціей Караизинскому на-
правленію. Главою этой школы нужно при-
знать профессора Московскаго универси-
тета Каченовскаго. Краткая его біографія
такова: первоначальное воспитаніе онъ полу-